

ТАХООНА...
Г. Хабаровск

80
лет со дня
рождения
Александра
ФАДЕЕВА

ОСОБЫЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

«Я должен сказать, что нет более великого чувства, чем дружба смелых и сильных людей во время опасности, когда каждый верит своему товарищу, когда каждый может отдать за него свою жизнь и знать, что товарищ не пощадит своей. Именно это чувство согревало нас всех во время этого необыкновенного похода. Впоследствии весь «Особый Коммунистический» был брошен на фронт под Хабаровск, и там на его долю также выпала судьба стать главной силой сопротивления японскому продвижению в глубь области.

Рабочие Вяземских железнодорожных мастерских в исключительно короткие сроки соорудили бронепоезд. На этом бронепоезде «Особый Коммунистический» в течение месяца задерживал натиск японцев. Еще не оправившись от ран, я лежал в штабном вагоне на маленькой лесной станции Корфовская, неподалеку от Хабаровска. Время тянулось для меня невероятно медленно и, по существу, делилось по двум признакам: наши на броневике выезжали на фронт, наши на броневике вернулись.

Очерк «Особый Коммунистический» написан А. Фадеевым в 1937 году. Он невелик по размеру — всего девять с половиной страниц. Опубликован этот очерк в книге «Бес- смертие», выпущенной издательством «Советская Россия» в нынешнем году.

А. Фадеев рассказывает историю необыкновенного отряда революционных бойцов. Осенью 1919 года в Чугуевке появился небольшой, хорошо организованный отряд красных партизан. Основным костяком его были рабочие

лесопильного завода со станции Свяягно. Молодой Фадеев познакомился тогда с партизанами, их командиром, образ которого, по словам автора, «дал много при изображении командира партизанского отряда Левинсона в повести «Разгром».

А. Фадеев вскоре стал бойцом Особого Коммунистического. О мужестве, стойкости, необыкновенной целеустремленности бойцов этого отряда говорится в очерке. Предлагаемый отрывок — лишь один эпизод из биографии Особого Коммунистического.

черные в пороховом дыму. «Ну, как? Все целы?» — взволнованно спрашиваю я. «На этот раз все», — весело отвечают мне и, перебивая друг друга, рассказывают мне переживания боя. И рассказы их полны внутреннего огня и юмора, снова напоминающие мне заметки в стенной газете на свиягинском зимовье.

Многие из «Особого Коммунистического отряда» сложили свои головы. Нет в живых Куницына, нет младшего Кокорвича и многих и многих других. Но память об этом отряде и до сих пор живет в сердцах рабочих и крестьян Дальнего Востока. Я был в родных местах в 1934—1935 годах. Многие люди из этого отряда стали уже большими работниками, а некоторые работают на лесных заводах Дальнего Востока, работают, как стахановцы.

уже слышу грохот брони, пыхтение паровоза, на котором ездил бесстрашный седой машинист с гранатами на поясе. Я даже не могу увидеть своих друзей, потому что я не могу подняться с постели, я не могу помахать им на прощание рукой. И я вынужден иногда в течение нескольких часов лежать, слышать орудииную канонаду, трескотню пулеметов, и ни в чем я не могу принять участие. И все время томит мысль, кого мы не

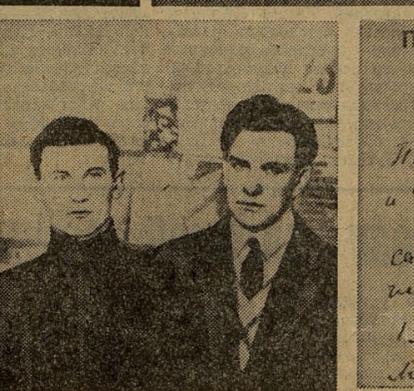
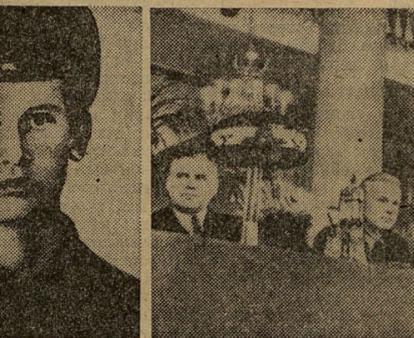
досчитаемся в этом бою?

Но вот пальба смолкает, и я уже издала, по содроганию пути, по дрожанию вагона, в котором я лежу, слышу, что паровоз возвращается на станцию Корфовская. Бронепоезд с грохотом пронесется мимо, не останавливаясь. Я слышу голоса на путях. Люди идут сюда. Вот они взбегают по ступенькам, вагон качается, и снова я вижу смелые, сильные, одухотворенные лица товарищей, еще полные страсти борьбы,

Виктор СОЛОМАТОВ

ИЗ ПРИМОРСКОЙ ТЕТРАДИ Девятнадцать вышло из огня...

Крутые подмывает берега, Пльвет река размеренно и сонно.
Глядит ей вслед иманская тайга Нездешними глазами Левинсона.
Тихь-тишина. А много лет назад Бой грохотал тут. В полыха атаки Повел он поредевший свой отряд В лихой порыв к долине Тудо-Ванк. Я котелок к ручью шагнул, Что среди мхов упругой змейкой вьется. И неба в алюминий зачернел колотца.
Сложу костер, сварю густой настой Лимонником парящий и смородой. С воднием вспомню подвиг их простой Во имя революции народной. Их девятнадцать вышло из огня, Всего лишь девятнадцать сабель острей... Былое наступает на меня. Маня туда, где жить совсем не просто. О память сердца! Будь всегда строга. Здесь в царстве неба, хвой и озона Пусть прямо в душу глянет мне тайга Нездешними глазами Левинсона.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УДЗГЕ
Стихи Александра Фадеева
13/VI 43.

- Подпольщик Саша Бульга.
- На съезде писателей.
- Рядом с Маяковским.
- Автограф Валентину Улиткину.
- Семья.

Юлия ШЕСТАКОВА ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ

В истории советской литературы Фадеев занимает особое место. Его романы, повести, рассказы, его доклады, выступления на писательских съездах и пленумах, наконец, вся жизнь этого человека, целеустремленная, яркая, с самой юности отмеченная партизанскими походами в боях за Советскую власть, — все это уже достойные истории и, тем не менее, близко нам и необычайно дорого.

Не берусь и не ставлю своей задачей говорить о том, какое громадное значение в художественном развитии нашего народа имеет творчество Александра Фадеева. Это — большая и совершенно особая тема. Мне предстоит только поделиться своими впечатлениями о том времени, когда Фадеев стоял во главе Союза советских писателей, и нам — дальневосточникам — довелось с ним встречаться в Москве.

В 1936 году, когда я, окончив литературный факультет Иркутского педагогического университета в Хабаровске и поступив литконсультантом в Дальневосточное правление Союза писателей (так оно тогда называлось), а затем стала работать в редакции журнала «На рубеже», Фадеев был еще главным редактором, вернее, он подписывал журнал, хотя сам уже был в Москве. В 1937 году в журнале у нас печаталась четвертая часть его знаменитого романа «Последний из удзге», но редактор был уже другой. О Фадееве много и часто говорили у нас в редакции. Поэты Вячеслав Афанасьев, Анатолий Гай, Семен Битовый пересказывали с Фадеевым, рассказывали о встречах с ним, о совместных поездках по Приморью, и мне было как-то удивительно и странно, что они называли его просто Сашей Фадеевым.

Для меня он был высоким литературным авторитетом, одним из любимых писателей. Был и остается таким. Мне довелось видеть его несколько раз. Я встречала его на втором Всесоюзном съезде писателей, на пленумах и писательских собраниях в Москве, почти всегда в обстановке официальной, чрезвычайно напряженной и деловой. Слышала его речи, в которых всегда можно было почувствовать дух объективности, — это было присуще Фадееву, — партийный подход к оценке того или иного явления литературы, благородный тон его полемических выступлений при всей их остроте.

Но, в общем, надо начать по порядку... В январе 1950 года меня вызвали в Москву. Комиссия по работе с молодыми авторами решила обсудить мой «Новый перевал» (он тогда был еще в рукописи) и повесть Джанси Кимонко «Там,

работа над переводом повести Джанси Кимонко, некоторые мои наблюдения, вопросы дальнейшего развития культуры малых народностей — все это меня волновало, и я хотела посоветоваться с Фадеевым — ведь он продолжал работать над своим романом «Последний из удзге» и, следовательно, ему тоже интересно будет узнать, думала я, какие процессы сейчас происходят в жизни малых народов Дальнего Востока.

Но в Союзе писателей мне сказали, что Александр Александрович собирается в заграничную поездку и очень занят... Так что встреча с ним тогда не состоялась.

Но вот, спустя три года, Фадеев сам вызвал меня для беседы. Я не ошиблась в своем предположении. Это можно было понять по первым его словам: «Товарищи мне рассказывали о вас. Вы пишете об удзгейцах? Скажите, что собой представляют хорские удзгейцы в этническом смысле? Ведь они, насколько мне известно, меньше других подвергались иноземному влиянию и вообще жили обособленно. Сколько лет прошло, как они забросили свои кочевья?»

Фадеев подробно расспрашивал меня, каким транспортом пользуются жители Гвасюгов, приходят ли к ним сородичи из Приморья, общаются ли они с терейскими удзгейцами, с бикинскими, иманскими? Интересовался грамотностью населения.

Александр Александрович слушал меня с вниманием, лишь изредка прерывал вопросы: «Расскажите о Джанси Кимонко. Мне кажется, я видел его в Ленинграде? Он ведь учился в институте народов Севера?»

Фадеев сам начинал говорить, но потом, умолкнув, опять слушал. Должно быть, мысли его уносились на Дальний Восток, в тайгу, к тропам его партизанской юности? Не знаю, но всякое случаем, лицо его стало озабоченным и даже грустным. Заметив это, я сказала, что удзгейцы просили меня передать ему привет, и что один из них (был в Гвасюгах такой охотник — книголюб Василий Кялуадзого) уже несколько раз напоминал мне об одном и том же: если увидите писателя Фадеева, узнайте, почему он называл свой роман так: «Последний из удзге»? Как это понимать: «последний»?

Фадеев улыбнулся, потом заговорил о своем романе, работа над которым у него затянулась на долгое время. Говорил о чрезмерной загруженности, о том, что вынужден много ездить, выступать с докладами, представлять стовать на международных конгрессах и писательских форумах. Для творчества остается совсем мало времени.

шным. И все же огромное его значение в истории советской литературы неоспоримо.

Вспоминаю сейчас, по прошествии многих лет, ту беседу с Александром Александровичем Фадеевым, я думаю о том, как важно было для него в пятидесятых годах оказаться на Дальнем Востоке. Но этого не случилось.

После нашей встречи я видела Фадеева еще несколько раз.

В 1954 году мне вместе с Н. М. Роголем и А. С. Пришвиным выпала честь быть на втором Всесоюзном съезде писателей. Еще до того, как открылся съезд, делегаты и гости, приехавшие в Москву, то и дело спрашивали друг друга: кто выступит с основным докладом, будет ли Фадеев на съезде? Говорили, что он болен, что после возвращения из Стокгольма у него снова обострилась болезнь печени. Предоставить себе съезд без Фадеева было просто немисливо.

Помню, идем с Людмилой Татьяничевой по улице Горького. Тихим, ровным голосом она рассказывает мне, что Александр Александрович в свой последний приезд к ним в Челябинск очень много работал. В то время он вплотную приступил к роману «Черная металлургия» и потому, оказавшись на Урале, среди будущих героев своей книги, он ежедневно вместе с рабочими по гудку ходил на завод. И не гостиница была его пристанищем, а простая рабочая семья...

Идем, разговариваем... И вдруг на углу Театрального проезда почти лицом к лицу сталкиваемся с ним. Это было так неожиданно, что мы смутились от радости. Он тоже увидел нас и остановился. — На съезд приехали? Рад за вас... — сказал Фадеев. — А я, девчата, уговорю врачей и вот, как видите, удрал из больницы...

Открытие съезда состоялось вечером. А днем в одном из залов Дома союзов заседала коммунистическая фракция съезда. Народу, как говорится, бьетком набито. Заполнены все ряды, но кто-то еще ищет место, хлопают стулья, шелестят газеты по рядам, слышатся взаимные приветствия, чей-то смехок, говор... Но вот все стали оглядываться, поплыл шумок по рядам, через какое-то мгновение он уже превратился в радостный гул и взрыв аплодисментов.

От входной двери через весь зал твердым и легким шагом шел Фадеев, он улыбался, на ходу здоровался со всеми, чуть склоняя то влево, то вправо седую, совершенно белую голову и жестом как бы усмирняя зал. Фадеев сел за стол президиума, как видно изволнованный этой долгожданной встречей со своими товарищами и друзьями, и долго еще кивал

своей актуальности. Тогда же, в атмосфере кипения страстей вокруг термина «самовыражение», дискуссий по поводу искренности, споров о том, где должен жить писатель: в городе или в деревне, они были особенно нужны.

«Не только в области лирики, — говорил Фадеев, — но и во всех областях художественного творчества писатель должен вкладывать в дело познания и отображения жизни всего себя, весь свой разум и сердце, всю свою любовь к нашим советским людям и ненависть к нашим врагам, ко всему косному и отсталому, что мешает нашему движению вперед. О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во все это должен вложить свою собственную биографию».

«Дело не в том, где живет, — продолжал Фадеев, — писатель, влюбленный в жизнь, с темпераментом борца всегда и везде найдет новое в жизни, движимый велением своего сердца...»

Вспоминается, как в один из дней между заседаниями участники съезда вышли на Красную площадь и двойной цепочкой медленно потянулись к Мавзолею. Дальневосточники и сибиряки шли вместе.

Но вот от толпы, стоявшей впереди нас, отделился Фадеев. Он подошел к нам и, разрывая наш тесный круг, стал здороваться со всеми за руку.

Никому и в голову не приходила мысль о его болезни. Он был слегка возбужден, отвечал на шутки, летевшие со всех сторон, улыбался и сам шутил. Вскоре кто-то его окликнул. Через минуту он уже стоял и разговаривал с группой уральских писателей. А потом присоединился к москвичам и весьма дружелюбно заговорил с теми, с кем еще вчера спорил. Неудивительно, что личность Фадеева, его имя обладали огромной притягательной силой.

Будучи настоящим, большим художником слова, Александр Фадеев заслужил всемирное признание. А в нашей стране, он, как сын революции, ее защитник и певец, пользовался особой любовью. Мы, дальневосточники, считаем его своим. Он — наш земляк! — говорим мы с гордостью. Между тем, ростовчане тоже считают его своим. Он ведь там работал когда-то, жил и там написал свой первый роман «Разгром» — прекрасную книгу. Попро- буйте сказать в Москве, что Фадеев — не москвич, он, полжизни проживший в столице! Уральцы тоже находят с ним в некотором родстве, поскольку «Черная металлургия» имеет прямое отношение к уральской земле. Ну, а как же быть с краснодонцами? Ведь после «Молодой

НАШ ПИСАТЕЛЬ

Имя Александра Александровича Фадеева всегда стоит рядом с именами таких больших художников слова, как Максим Горький, Алексей Толстой, Михаил Шолохов. И это по праву. Фадеев — один из родоначальников советской литературы, рожденный Октябрьем. Его романы «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из удзге» — самые читаемые книги. Особенно возрос интерес к творчеству А. Фадеева в дни подготовки к 80-летию со дня рождения писателя. В чем сила произведений А. Фадеева, что дают они читателям? На эти вопросы отвечаю:

Н. Л. ДМИТРАКОВА, осмотрикс вагонов станций Хабаровск-1:

— Фадеев и Дальний Восток связаны неразрывно. Я родилась в Приморье, знаю, что писатель неоднократно приезжал в этот край, где прошла его боевая молодость, встречался с друзьями, с которыми участвовал в революционных событиях

всего мира известны героическим подвигам, о беспримерном мужестве которых рассказал Фадеев. Его герои — люди нашего времени, исповедующие революционную романтику, мужество, целеустремленность, духовно богатые.

Елена НИКОЛАЕВА, швея хабаровского объединения «Восток»:

— Наверное, писатель, его творчество становится дорогим и близким тогда, когда оно созвучно твоим мыслям, духовным устремлениям, когда находишь в нем ответы, которые волнуют тебя, заботят. О Фадееве, его книгах я могу это утверждать, потому что хорошо знаю его жизнь, общественную деятельность. Это человек необыкновенно крупный, глубокий, неисчерпаемый. Творчество его подобно таежному роднику, прикасаясь к которому ощущаешь неизбежную живительную силу. Когда я читаю книги Фадеева, мне кажется, что это какой-то радостный пролив

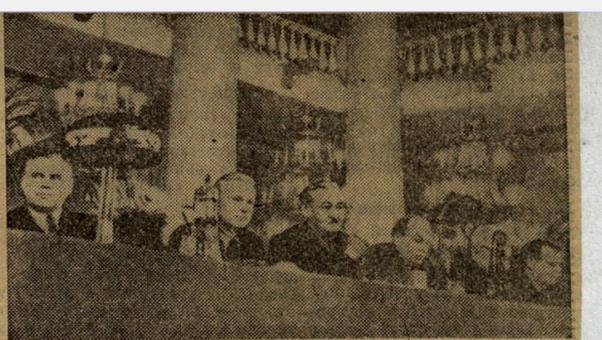
Борис ДЕНИСОВ, восьмиклассник средней школы № 2:

— Роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» я перечитывал не однажды. Героическая судьба героический подвиг волнует всегда. Испытания, выпавшие на их долю в годы Великой Отечественной войны, раскрыли самые лучшие черты советских людей, их огромную преданность Родине. Под самым носом у фашистов действовал бесстрашный отряд. Никто из врагов не знал, что красивая, задорно отплясывающая на сцене девушка — Люба Шевцова — только что вернулась с опасной операции молодого гвардейца — поджога биржи труда.

В тюрьме фашисты жестоко пытали молодых борцов, но они молчали. Зная, что грозит им смерть, Ульяна Громова как могла поддерживала в трудные испытания друзей — шутила, смеялась. Нужно быть человеком необычайной воли, глубоко верить в правоту своего дела,

ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Виктор СОЛОМАТОВ

В истории советской литературы Фадеев занимает особое место. Его романы, повести, рассказы, его доклады, выступления на писательских съездах и пленумах, наконец, вся жизнь этого человека, целеустремленная, яркая, с самой юности отмеченная партизанскими походами в боях за Советскую власть, — все это уже достойные истории и, тем не менее, близко нам и необычайно дорого.

Не берусь я не ставлю своей задачей говорить о том, какое громадное значение в художественном развитии нашего народа имеет творчество Александра Фадеева. Это — большая и совершенно особая тема. Мне предстоит только поделиться своими впечатлениями о том времени, когда Фадеев стоял во главе Союза советских писателей, и нам — дальневосточникам — довелось с ним встречаться в Москве.

В 1936 году, когда я, окончив литературный факультет Иркутского пединститута, приехала в Хабаровск и поступила литконсультантом в Дальневосточное правление Союза писателей (так оно тогда называлось), а затем стала работать в редакции журнала «На рубеже», Фадеев был еще главным редактором, вернее, он подписывал журнал, хотя сам уже был в Москве. В 1937 году в журнале у нас печаталась четвертая часть его знаменитого романа «Последний из удегэ», но редактор был уже другой. О Фадееве много и часто говорили у нас в редакции. Поэты Вячеслав Афанасьев, Анатолий Гай, Семен Бытовое переписывались с Фадеевым, рассказывали о встречах с ним, о совместных поездках по Приморью, и мне было как-то удивительно и странно, что они называли его просто Сашей Фадеевым.

Для меня он был высоким литературным авторитетом, одним из любимых писателей. Был и остается таким. Мне довелось видеть его несколько раз. Я встретила его на втором Всесоюзном съезде писателей, на пленумах и писательских собраниях в Москве, почти всегда в обстановке официальной, чрезвычайно напряженной и деловой. Слышала его речи, в которых всегда можно было почувствовать дух объективности, — это было присуще Фадееву, — партийный подход к оценке того или иного явления литературы, благородный тон его полемических выступлений при всей их остроте.

Но, в общем, надо начать по порядку...

В январе 1950 года меня вызвали в Москву. Комиссия по работе с молодыми авторами решила обсудить мой «Новый перевал» (он тогда был еще в рукописи) и повесть Джанси Кимонко «Там, где бежит Суклай» (тоже рукописи, в моем переводе). Это было вскоре после того, как у нас в Хабаровске состоялась конференция дальневосточных писателей.

И «Новый перевал», и повесть Джанси Кимонко были приняты к изданию. Время шло, я уже работала с редактором, находясь долгое время в Москве, готовила рукописи для издательства «Советский писатель», и тут как-то днем мне позвонили из секретариата и сказали, чтобы я к семи часам вечера явилась на прием к Фадееву.

Это было неожиданностью для меня, потому что сама я не предпринимала никаких шагов для этой встречи и не готовилась к ней. Всю дорогу от Бауманского метро и до улицы Воровского я размышляла над тем, почему именно сегодня меня вызывают? И о чем же у нас пойдет разговор?

Увидеть Фадеева было давней моей мечтой. Помню, еще в 1947 году, когда я возвращалась из Ленинграда с географического съезда, на котором была избрана делегатом, как участница экспедиции в Центральную часть Сихотэ-Алиня, на обратном пути, остановившись в Москве, я заходила в Союз писателей. Материалы об удегцах, собранные во время экспедиции,

работа над переводом повести Джанси Кимонко, некоторые мои наблюдения, вопросы дальнейшего развития культуры малых народностей — все это меня волновало, и я хотела посоветоваться с Фадеевым — ведь он продолжал работать над своим романом «Последний из удегэ», следовательно, ему тоже интересно будет узнать, думала я, какие процессы сейчас происходят в жизни малых народов Дальнего Востока.

Но в Союзе писателей мне сказали, что Александр Александрович собирается в заграничную поездку и очень занят... Так что встреча с ним тогда не состоялась.

Но вот, спустя три года, Фадеев сам вызвал меня для беседы. Я не ошиблась в своем предположении. Это можно было понять по первым его словам:

— Товарищи мне рассказывали о вас. Вы пишете об удегцах? Скажите, что собой представляют хорские удегцы в этническом смысле? Ведь они, насколько мне известно, меньше других подвергались иноземному влиянию и вообще жили обособленно. Сколько лет прошло, как они забросили свои кочевья?

Фадеев подробно расспрашивал меня, каким транспортом пользуются жители Гвасюгов, приходят ли к ним сорочичи из Приморья, общаются ли они с терейскими удегцами, с бикинскими, маньчжунскими. Интересно в алге грамотностью населения.

Александр Александрович слушал меня с вниманием, лишь изредка прерывал вопросами: — Расскажите о Джанси Кимонко. Мне кажется, я видел его в Ленинграде? Он ведь учился в институте народов Севера?

Фадеев сам начинал говорить, но потом, умолкнув, опять слушал. Должно быть, мысли его уносились на Дальний Восток, в тайгу, к тропам его партизанской юности? Не знаю, во всяком случае, лицо его стало озабоченным и даже грустным. Заметив это, я сказала, что удегцы просили меня передать ему привет, и что один из них (был в Гвасюгах такой охотник — книголюб Василий Кялуидзога) уже несколько раз напоминал мне об одном и том же: если увидите писателя Фадеева, узнайте, почему он назвал свой роман так: «Последний из удегэ»? Как это понимать: «последний»?

Фадеев улыбнулся, потом заговорил о своем романе, работа над которым у него затянулась на долгое время. Говорил о чрезмерной загруженности, о том, что вынужден много ездить, выступать с докладами, представлять в столицах на международных конгрессах и писательских форумах. Для творчества остается слишком мало времени.

— Но я вернусь к роману «Последний из удегэ». И на Дальний Восток обязательно приеду! — твердо пообещал он. — Мне просто необходимо побывать в родных местах. Не только для романа, но и по зову своей души...

Он сказал, что намерен ввести в роман новые лица, упомянул Сергея Лазо, вспомнил о Косте Рослом, с которым вместе партизанил. — Просто не могу себе простить, что до сих пор не написал о нем ни строки... Геройский был парень, наш поэт — партизан!

Из беседы с Фадеевым я поняла, что он собирается переработать свой роман. «Последний из удегэ» он начал писать, будучи совсем молодым, шел по горячим следам событий, стараясь охватить своим взглядом широкое поле жизни, обновленной революцией. Не все еще отстоялось тогда.

Название «Последний из удегэ» возникло не без влияния Фенимора Купера, как сам он сказал об этом. И хотя Фадеев говорил, что замысел его не мог родиться в столь молодые годы без «Последнего из могинок» Фенимора Купера, но в названии, наверное, должен быть дух полемичности?

К сожалению, роман, как мы знаем, остался незавершенным. И все же огромное его значение в истории советской литературы неоспоримо.

Вспоминая сейчас, по прошествии многих лет, ту беседу с Александром Александровичем Фадеевым, я думаю о том, как важно было для него в пятидесятых годах окантоваться на Дальнем Востоке. Но этого не случилось.

После нашей встречи я видела Фадеева еще несколько раз.

В 1954 году мне вместе с Н. М. Роголем и А. С. Пришвинным выпала честь быть на втором Всесоюзном съезде писателей. Еще до того, как открылся съезд, делегаты и гости, приехавшие в Москву, то и дело спрашивали друг друга: кто выступит с основным докладом, будет ли Фадеев на съезде? Говорили, что он болен, что после возвращения из Стокгольма у него снова обострилась болезненная печень. Представить себе съезд без Фадеева было просто немыслимо.

Помню, идем с Людмилой Татьяничевой по улице Горького. Тихим, ровным голосом она рассказывает мне, что Александр Александрович в свой последний приезд к ним в Челябинск очень много работал. В то время он вилотную приступил к роману «Черная металлургия» и потому, оказавшись на Урале, среди будущих героев своей книги, он ежедневно вместе с рабочими по тушке ходил на завод. И не гостиница была его пристанищем, а простая рабочая семья...

Идем, разговариваем. И вдруг на углу Театрального проезда почти лицом к лицу сталкиваемся с ним. Это было так неожиданно, что мы смутились от радости. Он тоже увидел нас и остановился. — На съезд приехали? Рад за вас... — сказал Фадеев. — А я, девчата, уговорил врачей и вот, как видите, удрал из больницы...

Открытие съезда состоялось вечером. А днем в одном из залов Дома союзов заседала коммунистическая фракция съезда. Народу, как говорится, битком набито. Заполнены все ряды, но кто-то еще ищет место, хлопает стулья, шлепают газеты по рядам, слышатся взаимные приветствия, чей-то смехок, говор... Но вот все стали оглядываться, попылись шумок по рядам, через какое-то мгновение он уже превратился в радостный гул и взрыв аплодисментов.

От входной двери через весь зал твердым и легким шагом шел Фадеев, он улыбался, на ходу здоровался со всеми, чуть склонялся влево, то вправо седую, совершенно белую голову и жестом как бы усмирять зал. Фадеев сел за стол президиума, как видно возмущенный этой долгожданной встречей со своими товарищами и друзьями, и долго еще кивал кому-то, взглядываясь в глубины зала, и радостно шурился, заметив чье-то особенное близкое и дорогое ему лицо, и скрестив ладони, как бы передавал свое крепкое рукопожатие молча.

У него было очень много друзей среди писателей. Но были и противники, с которыми он спорил, отстаивая твердость партийных позиций в оценке произведений искусства и литературы. Это можно было почувствовать на съезде. После содержательных, интересных докладов Алексея Суркова, Константина Симонова, Самела Вургуна, Бориса Полевоего, когда развернулись прения, мы услышали немало глубоких и острых выступлений.

Фадеев сидел в президиуме сосредоточенный, и лицо его казалось спокойным. Он не пропустил ни одного заседания. Внимательно слушал ораторов, поднимавшихся на трибуну, молчал, оглядывая пришедшие ряды Колонного зала.

Появление Фадеева на трибуне было встречено громом рукоплесканий. Много лет прошло с тех пор. И вот, перечитывая сейчас выступления Александра Фадеева на втором Всесоюзном съезде писателей, как будто заново переживаешь те памятные дни и глубже осмысливаешь то, что было сказано им тогда. Его слова и теперь не потеряли

своей актуальности. Тогда же, в атмосфере кипения страстей вокруг термина «самовыражение», дискуссий по поводу искренности, споров о том, где должен жить писатель: в городе или в деревне, они были особенно нужны.

«Не только в области лирики, — говорил Фадеев, — но и во всех областях художественного творчества писатель должен вкладывать в дело познания и отображения жизни всего себя, весь свой разум и сердце, всю свою любовь к нашим советским людям и ненависть к нашим врагам, ко всему косному и отсталому, что мешает нашему движению вперед. О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во все это должен вложить свою собственную биографию».

«Дело не в том, кто где живет, — продолжал Фадеев, — писатель, влюбленный в жизнь, с темпераментом борца всегда и везде найдет новое в жизни, движимый велением своего сердца...».

Вспоминается, как в один из дней между заседаниями участники съезда вышли на Красную площадь и двойной цепочкой медленно потянулись к Мавзолею. Дальневосточники и сибиряки шли вместе.

Но вот от толпы, стоявшей впереди нас, отделился Фадеев. Он подошел к нам и, разрывая наш тесный круг, стал здороваться со всеми за руку.

— Никому и в голову не приходила мысль о его болезни. Он был слегка возбужден, отвечал на шутки, летевшие со всех сторон, улыбался и сам шутил. Вскоре кто-то его окликнул. Через минуту он уже стоял и разговаривал с группой уральских писателей. А потом присоединился к москвичам и весьма дружелюбно заговорил с теми, с кем еще вчера спорил. Неудивительно, что личность Фадеева, его имя обладали огромной притягательной силой.

Будучи настоящим, большим художником слова, Александр Фадеев заслужил всемирное признание. А в нашей стране, он, как сын революции, ее защитник и певец, пользовался особой любовью. Мы, дальневосточники, считаем его своим. Он — наш земляк! — говорим мы с гордостью. Между тем, ростовчане тоже считают его своим. Он ведь там работал когда-то, жил и там написал свой первый роман «Разгром» — прекрасную книгу. Попрошайте сказать в Москве, что Фадеев — не москвич, он, полжизни проживший в столице! Уральцы тоже находят с ним в некотором родстве, поскольку «Черная металлургия» имеет прямое отношение к уральской земле. Ну, а как же быть с краснодонцами? Ведь после «Молодой гвардии» для них нет писателя роднее, чем Фадеев...

Очевидно, дело тут не в землячестве, а в народности творчества Александра Фадеева. Он — глубоко народный писатель! Он — один из любимых писателей советской молодежи. Он след за Горьким и Маяковским был знаменосцем нового социалистического искусства и литературы.

И понятна всеобщность любви к писателю, к его творчеству. Любовь эту можно объяснить тем, что в книгах его заключен опыт народной жизни, что это произведения большого мастера, который всегда знает, для кого и зачем он пишет и кому он отдает сердце.

К сказанному мне хочется добавить вот что: Фадеев сам считал себя дальневосточником, здесь он вырос, приобщился к революционной борьбе, воевал за Советскую власть с оружием в руках, и первые его прекрасные романы написаны о Дальнем Востоке; он любил этот край, считал его своим, и в героях своих книг с любовью подчеркивал особый дальневосточный характер. Он рвался сюда и тосковал об этой земле. И выходит, что всеобщая наша любовь к нему оказалась взаимной. И пусть она останется такой для грядущих поколений.

ИЗ ПРИМОРСКОЙ ТЕТРАДИ

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ВЫШЛО ИЗ ОГНЯ...

Крутые подмывая берега,
Плывет река размеренно
и сонно.
Глядит ей вслед
имманская тайга
Нездешними глазами
Левинсона.
Тишь-тишина. А много лет
назад
Бой грохотал тут.
В полях атаки
Повел он поредевший
свой отряд
В лихой порыв
к долине Тудо-Бань.
Я котелок возьму,
к ручью шагну,
Что среди мхов
упругой змейкой вьется.
И неба в аломиний
зачерпну
Из этого бездонного
колодца.
Сложу костер,
сварю густой настой
Лимонником парящий
и смородой.
С волнением вспомню
подвиг их простой
Во имя революции
народной.
Их девятнадцать
вышло
из огня,
Всего лишь девятнадцать
сабель острых...
Былое наступало на меня.
Маня туда, где жить
совсем не просто.
О память сердца!
Будь всегда строга.
Здесь в царстве неба,
хвои
и озона
Пусть прямо в душу
глянет мне тайга
Нездешними глазами
Левинсона.

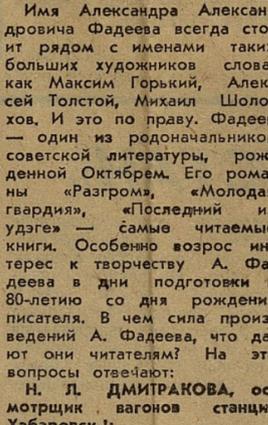
ДВА ЦВЕТА

Поземка по тракту
стелется.
Светло в облетевшем лесу.
Приду на могилу Метелицы,
Осенний букет принесу.
Скупа уходящая осень —
Цветов не нашел я совсем
Тому, кто в свои 28
Погиб,
чтоб я жил в 37.
Две ветки каленой калины,
Чей цвет с цветом крови
в ладу,
От старшего брата и сына
на эту могилу кладу.
И мне начинать казаться
(и я в это верить могу) —
Цветет костерком
партизанским
Калина на белом снегу.
И я уже думаю смело,
Что тут и не нужен букет.
Ведь на два —
на красный и белый —
Делим для Метелицы цвет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА

Тревога таится сторожко
У серых обветренных скал.
Навряд ли Тюленин
Сережка
О Ване Морозке читал.
А впрочем, не в этом дело,
Не в этом —
слыхал, не слыхал
Он так же отважно и смело
За дело рабочее встал.
Легла им прямая дорога
И шли они ей до конца.
Два хлопца Иван и Сергеа—
С шахтерской шальнишкой
в сердцах.
А путь они выбрали ясный—
К бессмертию и славе он
вел.
И флаг — одинаково
красный
Над ними в сражениях
цвел.

НАШ ПИСАТЕЛЬ

Имя Александра Александровича Фадеева всегда стоит рядом с именами таких больших художников слова, как Максим Горький, Алексей Толстой, Михаил Шолохов. И это по праву. Фадеев — один из родоначальников советской литературы, рожденной Октябрем. Его романы «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из удегэ» — самые читаемые книги. Особенно возрос интерес к творчеству А. Фадеева в дни подготовки к 80-летию со дня рождения писателя. В чем сила произведений А. Фадеева, что дают они читателям? На эти вопросы отвечаю:

Н. Л. ДМИТРАКОВА, осматривщик вагонов станция Хабаровск-1:
— Фадеев и Дальний Восток связаны неразрывно. Я родился в Приморье, знаю, что писатель неоднократно приезжал в этот край, где прошла его боевая молодость, встречался с друзьями, с которыми участвовал в революционных событиях. Он всегда радовался тем переменам, которые происходили на Дальнем Востоке. Фадеев — наш писатель, дальневосточный.
Читая его романы, воочию представляешь и лихого разведчика Метелицу, самоотверженного Морозку, человека необыкновенной выдержки — Бакланова. Читателям

всего мира известны герои-молодогвардейцы, о беспримерном мужестве которых рассказывал Фадеев. Его герои — люди нашего времени, исповедующие революционную романтику, мужество, целенаправленные, духовно богатые.

Елена НИКОЛАЕВА, швея Хабаровского объединения «Восток»:
— Наверное, писатель, его творчество становится дорожно и близким тогда, когда оно созвучно твоим помыслам, духовным устремлениям, когда находишь в нем ответы, которые волнуют тебя, заботят. О Фадееве, его книгах я могу это утверждать, потому что хорошо знаю его жизнь, общественную деятельность. Это человек необыкновенно крупный, глубокий, неисчерпаемый. Творчество его подобно таежному роднику, прикасаясь к которому ощущаешь неизбывную живительную силу. Когда я читаю книги Фадеева, мне кажется, что это какой-то радостный праздник. В них — новые, поразжающие емкостью и точностью мысли, раздумья, помогающие тебе, они волнуют. Произведения Фадеева учат любить Родину, заставляют задуматься над общечеловеческими проблемами, такими, как мир, дружба, героизм и мужество, человеческое товарищество.

Борис ДЕНИСОВ, восьмиклассник средней школы № 2:
— Роман Александра Фадеева «Молодая гвардия» я перечитывал не однажды. Героическая судьба героев-краснодонцев волнует всегда. Испытание, выпавшее на их долю в годы Великой Отечественной войны, раскрыло самые лучшие черты советских людей, их огромную преданность Родине. Под самым носом у фашистов действовал бесстрашный отряд. Никто из врагов не знал, что красивая, задорно отплясывающая на сцене девушка — Люба Шевцова — только что вернулась с опасной операции молодогвардейцев — поджога биржи труда.

В тюрьме фашисты жестоко пытали молодых борцов, но они молчали. Зная, что грозит им смерть, Ульяна Громова как могла поддерживала в трудные испытания друзей — шутила, смеялась. Нужно быть человеком необычайной воли, глубоко верить в правоту своего дела, чтобы презирать смерть.
— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, — говорил Олег Кошевой. И вся его короткая жизнь — подтверждение этому. Безумству храбрых доем мы славу. Эту славу героем воспеет наш дальневосточный писатель Александр Александрович Фадеев.

Машиностроения, имени Орджоникидзе, химфармзаводе, в домах культуры, клубах, институтах, школах, различных аудиториях было проведено около ста выступлений. В них приняли участие В. Н. Александровский, Н. Т. Кабушкин, М. П. Белов, А. А. Пассар, В. С. Еращенко, Л. В. Магистрова и другие писатели.

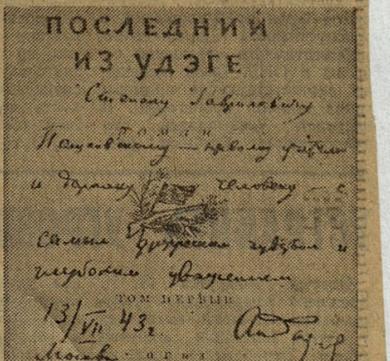
рубеже», выступала во многих аудиториях с интересным рассказом о жизни и творчестве писателя.
Своими воспоминаниями о встречах с Фадеевым в 1939 году, когда он вместе с группой кинематографистов во главе с режиссером А. Довженко приезжал в наш город, поделился А. Ф. Ивенский. На заводе энергетического

точная тайга, этот верхневолжский край остался с ним до конца жизни.
Восемьдесят лет, которые отделяют нас от дня его рождения, принесли читателю его прекрасные книги «Разгром», «Молодая гвардия», «Последний из удегэ», сегодня на книжных полках Калининцев все то, что вышло из-под пера

Александр Александровича Фадеева. Сюда, на берега Волги, съехались представители писательских организаций разных городов и делегация Союза писателей СССР. 22 декабря в областном драматическом театре состоялся большой литературный вечер, посвященный юбилею выдающегося советского писателя. 23 декабря праздник пришел в древний город Кимры, на родину писателя.

НА РОДИНЕ

А. СКВОРЦОВ.

- Подполковник Саша Бульга.
- На съезде писателей.
- Разлом с Маяковским.
- Автограф «Врагам учителя».
- Семья.